

Софья
Богатырева

Софья Богатырева

*Серебряный век
в нашем доме*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Художник — Владимир Мачинский

В книге использованы фото и материалы из личного архива автора,
Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина,
фото М.С. Наппельбаума (Агентство ФТМ, Лтд)

Богатырева, Софья Игнатьевна.

Б73 Серебряный век в нашем доме / Софья Богатырева. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2019. — 510 [2] с. — (Мемуары — XX век).

ISBN 978-5-17-115797-5

Софья Богатырева родилась в семье известного писателя Александра Ивича. Закончила филологический факультет Московского университета, занималась детской литературой и детским творчеством, в дальнейшем — литературой Серебряного века. Автор книг для детей и подростков, трехсот с лишним статей, исследований и эссе, опубликованных в русских, американских и европейских изданиях, а также аудиокниги литературных воспоминаний, по которым сняты три документальных телефильма. Профессор Денверского университета, почетный член National Slavic Honor Society (США).

В книге “Серебряный век в нашем доме” звучат два голоса: ее отца — в рассказах о культурной жизни Петербурга десятых–двадцатых годов, его друзей и знакомых: Александре Блоке, Андрее Белом, Михаиле Кузmine, Владиславе Ходасевиче, Осипе Мандельштаме, Михаиле Зощенко, Александре Головине, о брате Сергее Бернштейне, и ее собственные воспоминания о Борисе Пастернаке, Анне Ахматовой, Надежде Мандельштам, Юрии Олеше, Викторе Шкловском, Романе Якобсоне, Нине Берберовой, Лиле Брик — тех, с кем ей посчастливилось встретиться в родном доме, где “все всегда происходило не так, как у людей”.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115797-5

© Богатырева С.И., 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От автора. *Не так, как у людей*. 9

ПАМЯТИ “КАРТОННОГО ДОМИКА”

“Молодой, но отважный”	15
Письмо из Хабаровска	17
Инженер путей сообщения	22
Бабушка Полина, переводчица Цвейга	31
Старший брат и его окружение	41
Цитаты, игры и мистификации	46
Запечатлеть? Пожалуй!	49
Михаил Кузмин.	54
Пушкинские торжества в Доме литераторов	59
Прогулка на острова	60
“Картонный домик”	63
Александр Головин	64
Похороны Блока	66
“Эхо” и “Лето”	71
Дельвиг и Анненский.	75
“Аврора”	80
Планы и крушение	82
Архив	83

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРОФЕССОРА

СЕРГЕЯ БЕРНШТЕЙНА-“УМНОГО”, УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА,
В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДОКУМЕНТАХ

“Письма счастья”.	98
Голоса поэтов. ОПОЯЗ и КИХР	108

“Я требую громче, чем скрипачи, права на граммофонную пластинку”	117
“Научное шарлатанство”	122
Передать потомкам	125
Еще одна диссертация	134
О перфекционизме и последствиях одного	149
Отклик	152
Для меня он был — “дядя Сережа”	154

ЗАВЕЩАНИЕ

Бомба замедленного действия	177
Серая папка с завязками	183
Стихи и правки	191
9 августа 1954 года	198
“Саня” и “Коля”	203
“Воспоминания” и “Вторая книга”	217
Ясная Наташа	222
“Голубая книга” и “рабочий экземпляр”	226
Воля поэта или своеволие вдовы	231
Только одна страница	240

УХОД

Листок первый. Встреча	255
Листок второй. Обстоятельства места и времени	261
Листок третий. Герберт Уэллс и ордер Балтфлота	266
Листок четвертый. Окно на Невский	267
Листок пятый. “Баллада”	272
Листок шестой. Андрей Белый и Борис Бугаев. Глаза и жест	281
Листок седьмой. “Печаль глаз бывает очень разной”	283
Листок восьмой. Муни	286
Листок девятый. Старая толстая Сафо	287

Листок десятый. “Будет Нина...” (1)	295
Листок одиннадцатый. Любовное письмо	303
Листок двенадцатый. Стихотворение	309
Листок тринадцатый. Бутерброд на дорожку	312
Листок четырнадцатый. “Скоро еду”	315
Листки пятнадцатый и шестнадцатый. “Готовы матрицы на Владислава”	318
"Будет Нина..." (2)	320
Листки семнадцатый–двадцатый. Письма	322
Листки двадцать первый и двадцать второй.	
Два инскрипта	329
С точки зрения архива	340

РАССКАЗЫ ДЕВОЧКИ-ЗАЙЦА

Праздники нашего поколения	367
Как хорошо уметь читать!	381
Спустя пятнадцать лет	395
Конфета-подушечка. Вопросы самооценки	406
Пришелец	410
Лгунья. Издержки хорошего воспитания	415
Три вечера в одном доме	417
Такая хорошенькая!..	423
Деньги. О пользе интуиции.	425
Sic transit...	427

ДЯДЯ ВИТЯ, ПАПИН ДРУГ

Принцип исторического романа	443
Книга	445
Маяковский	446
Орден	447
Эвакуация	448
Птица	449
“Zoo”	451

Шкаф	461
“Кружение сердца”	464
Это — че! Это — ре! Это — паха!	467
Тост	469
Семейные ценности	472
“Напролет... о Ромке Якобсоне”	474
Кристина	484
Преступление	486
...и наказание	487
Лев Толстой, неудачник	490
Некролог	492
Именной указатель	496

ОТ АВТОРА

Не так, как у людей

В детстве и еще долго после того была у меня мечта: жить *как все*, быть *как все*. Чтобы мой папа, *как все* папы, по утрам уходил из дому с портфелем на работу, а вечером в одно и то же время возвращался, *как все*, домой; чтобы мама на кухне чистила лук и крошила картошку для супа, *как все* мамы моих подружек, а потом, *как все*, кричала в форточку: “Соня, обедать! Сколько раз повторять!” Чтобы в хорошую погоду меня отправляли “дышать воздухом” в наш захламленный хулиганистый двор.

У нас все происходило шиворот-навыворот. Не так, как у людей. Утром на работу, веселая и нарядная, чмокнув меня в щеку, убегала мама. Папа оставался дома, затворялся в кабинете, заходить к нему строго-настрого запрещалось: он там работал. Гуляла я не во дворе, *как все*, а вдоль набережных за руку с “бонной”, и меня никогда не звали обедать, окликая через форточку, меня вообще никогда не звали по имени, только “зайцем”, “птичкой” и прочими обозначениями из мира живой природы, а за глаза — “ребенком”. У нас никогда не водилось того, что было у *всех*: патефона, радио, позднее — телевизора; у нас все стены в доме были закрыты книгами. Если к нам приходили гости, то никогда не пели и не танцевали, как бывало в то время у *всех* наших соседей, а разговаривали или читали вслух стихи. В довершение странностей: мои родители обращались друг к другу на “вы”.

Из года в год я изо всех сил старалась стать *как все*, стать “нашей” и ближе всего подошла к тому в студенческие годы: лекции, зачеты, походы, танцальки, свидания — всё как у *всех*. Ан нет, не тут-то было! В день смерти Сталина в сонме всеобщих рыданий полоснуло одиночеством, которое пыталась скрыть, думала, что успешно. Но и здесь пришлось признать поражение, когда на выпускном вечере комсорг Витька припечатал меня “комплиментом”: “Эх, хороша была б девка, жаль, не наша”.

Только в отдалении временном и пространственном я догадалась, что быть не *как все* не стыдно и вовсе не так плохо, хотя, конечно, крайне, донельзя, до смерти некомфортно. Что мучительная непохожесть — не изъян, а нечто, что не следует прятать, что стоит беречь и чем не грех поделиться. Тут и Америка, куда меня занесло, помогла: в чужом мире, с его заковыристым языком, диковинными привычками, веселой расположенностью всех ко всем и подозрительного цвета бурдой под названием “кофе”, стремиться стать *как все* было бы глупо и неосуществимо — да и желания такого не возникало. Зато была возможность увидеть, что каждая личность с ее собственными заскоками-закидонами может рассчитывать на уважение к себе и своим странностям, и окончательно убедиться, что быть *не как все* — беда это или выбор — твое личное дело и твое законное право.

Вот тогда я взялась за изучение истории своей непохожей на все другие семьи, собирая воспоминания, сверяясь с документами, разбирая случайные записи и оборванные на полуслове мемуары, читая старые письма, вглядываясь в поблекшие фотографии, прослушивая магнитофонные записи, стараясь вписать жизнь семьи и ее окружения в исторический и литературный контекст.

Так сложилась эта книга.

Она — о памяти, о так называемых маргиналах. О тех, кто сопротивлялся забвению традиций и пытался жить по правилам высоко ценимого ими, но, словно град Китеж, оставшегося в легендах, а не в реальности, круга *непохожих* людей, который именовался русской интеллигенцией и в годы господства пошлости хранил дух прекрасной эпохи, именуемой Серебряным веком. Громких слов о служении русской культуре никто из них не произносил, просто служил ей в меру своего понимания и на свой лад.

Книга основана на уникальном архиве, собранном на протяжении большей части XX века моим отцом, писателем Александром Ивичем (1900–1978), его неопубликованных воспоминаниях о культурной жизни Петербурга-Петрограда в 1910–1920-х годах, о его друзьях и знакомых из числа поэтов Серебряного века (Александре Блоке, Андрее Белом, Осипе Мандельштаме, Михаиле Кузmine, Владиславе Ходасевиче), о Михаиле Зощенко, о художнике Александре Головине, о творцах формального метода в литературоведении и основателях ОПОЯЗа, в том числе о его старшем бра-

те Сергее Бернштейне. К запискам отца я присоединила свои воспоминания о Борисе Пастернаке, Анне Ахматовой, Юрии Олеше, Михаиле Зощенко, Викторе Шкловском, Романе Якобсоне, Нине Берберовой, Надежде Мандельштам, Лиле Брик, Николае Харджи-еве — о тех, с кем посчастливилось встретиться благодаря принадлежности к семье, где все всегда происходило *не так, как у людей*.

Это книга не могла бы появиться,
 ...если бы мой отец не собирал рукописи, которым грозило уничтожение от властей предрержащих;
 ...если бы в самые опасные годы моя мать не помогала хранить их, бережно перепечатывая каждую страницу;
 ...если бы те, кого я застала в этом мире и о ком могу рассказать разминувшимся с ними во времени, не дарили меня своим вниманием.

Эта книга не могла бы появиться,
 ...если бы не безотказная помощь Валерия Золотухина, который воскресил научное наследие моего дяди, откопав в недрах Российской государственной библиотеки погребенные там рукописи Сергея Бернштейна и его учеников, а Тимур Булгаков не отыскал юношеские письма дяди к моей бабушке;
 ...если бы Николай Алексеевич Богомолов своими работами не создавал научный фундамент для моих мемуаров;
 ...если бы Наталья Громова не вдохновляла своим неутомимым служением на ниве возвращения в лоно современной литературы затерянных архивов и воспоминаний;
 ... если бы Елена Даниловна Шубина не поддерживала меня в уверенности, что книга моя нужна, и тактично, но твердо меня торопила;
 ... если бы редактор Даша Сапрыкина не вносила бы столь тщательно и безропотно бесконечные поправки в готовый текст.

Радуюсь возможности и чести принести им мою благодарность!

Софья Богатырева
 18 ноября 2018
 Денвер, штат Колорадо, США

ПАМЯТИ “КАРТОННОГО ДОМИКА”

.....

“Молодой, но отважный”

Мне трудно представить отца юным. Знаю, что он был стройным и большеглазым. Ольга Форш называла его “Ветка Палестины”. Вениамину Каверину запомнился “тоненький, как будто нарисованный одной узкой карандашной линией Игнатий Игнатьевич Бернштейн, молодой, но отважный руководитель издательства «Картонный домик», которое выпустило известный сборник воспоминаний о Блоке и вскоре рухнуло, как картонный домик”¹. Помню присказку Виктора Шкловского: “Когда Саня появлялся в комнате, среди женщин начинался листопад”. С фотографии работы Наппельбаума смотрит на меня волоокий романтического вида красавец, — но у Наппельбаума все глядят красавцами. Сани Бернштейна я, по сути, не знала. Для меня отец всегда был в жизни — Игнатием Игнатьевичем, как называли его на моей памяти, а в литературе — Александром Ивичем, как подписал он когда-то, второпях, на ходу, газетную, нашумевшую потом публикацию и что сделал своим псевдонимом, слепив первую букву имени с тремя последними отчества и узаконив заодно домашнее имя Саня, сложным образом возникшее из Игнатия, что вызвало постоянные вопросы, на которые не всегда хотелось отвечать. Я и себя всю жизнь (признаться, по сей день) ощущала Соней Ивич, что бы там ни значилось в моих официальных бумагах.

¹ Каверин В. Эпилог. М., Аграф, 1997. С. 25.